

Лука Каримова

18+

ОДНАЖДЫ ЛЕТОМ

Лука Каримова

Однажды летом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54071522

SelfPub; 2020

Аннотация

Легко ли жить в мире людей и каждый день смотреть на окружающих человеческими глазами, общаться и осознавать, как сильно они отличаются от нас? Есть ли хоть крошечный шанс встретить того, кто примет тебя и не выдаст страшную тайну? Кира и Вика давно повзрослели, детство закончилось, а бабушка, у которой они проводили каждое лето – умерла. Девушки вернулись в старый дом, окунувшись в беззаботные воспоминания. Но все ли так гладко? Что скрывают соседи и почему прошлое подбрасывает им знакомые, мужские лица, а сестры не могут вспомнить, кем же были их старые друзья?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Глава 1

г. Бердичев. Лето 2013г.

Кира долго смотрела в выбеленный потолок со старенькой люстрой. На шоколадных плафонах висела паутинка, а в стекло, недовольно жужжа, билась муха. Ни тебе пластиковых окон, ни москитных сеток – вместо них надежно прикрепленные кнопками к деревянным рамам кусочки марли. На запыленном подоконнике стоял горшок с чахлым цветком. Как бедняга выжил без полива – неизвестно. Стены, оклеенные пожелтевшими от времени обоями в цветочек, навевали легкую ностальгию. Дверь в гостиную прикрывали занавески песочного цвета.

Под одеялом зашевелилась Вика, и Кира успела поймать сестру за ступню, чтобы та ненароком не задела. Ночью, приехав с вокзала, они решили не разбирать вещи в детской спальне и улеглись на железной кровати в зале.

Перина как из сказки про принцессу: несколько тюфяков, брошенных на дно из скрипучих пружин, относительно новый матрас и гора объемных перьевых подушек.

– Царское ложе! – отметила Вика, сбросив кукольно-розовое покрывало и выбрав подушку поудобнее.

Кира достала из чемодана собственную – ортопедическую. На других ей было неудобно спать до головной боли.

Полночи она ворочалась, чихая и заливаясь соплями в не прибранной запылившейся комнате, пока, в конце концов, не уснула. Девушка не любила слишком мягкие матрасы. Да и спать валетом – не самое удобное положение. В бытность детьми это казалось не столь ощутимо.

Выбравшись из-под одеяла, Кира ступила на холодный деревянный пол и, поежившись, зашарила под подушкой, выудив стянутые ночью носки. Вика предпочитала спать нагишом, но, спасаясь от холода, она нашла в бабушкином шкафу подходящую ночнушку в цветочек и облачилась в нее. Та все равно оказалась велика и сейчас открывала загорелое плечо спящей. На столбике кровати висел Викин лифчик с пуш-апом, а на кресле аккуратно сложены джинсы и свитер.

В зале, кроме скрипучего шкафа с застиранными от времени вещами и «перины», возвышался буфет из сосны, где бабушка хранила подарки: новые сковородки, сервизы, зонты, шампуни и прочее. Сколько Кира себя помнила, Оля ничего из этого так и не использовала, предпочитая готовить на старой чугунной сковородке с вечными маслянистыми потеками по краям. Как в детстве Кира ни старалась, никогда не могла ее отмыть от олиі¹. Пузатая бутылка стояла у газовой плиты советских времен на четырех длинных ножках. «Старушка» хоть и выглядела далекой от современных, но исправно работала, вспыхивая синим огоньком и выпекая пироги.

---

¹ Подсолнечное масло.

Напротив кровати темнела дверь в спальню-склад с двумя гостевыми кроватями по обеим сторонам и парой шкафов. В основном бабушка хранила здесь вещи: постельное белье, рулоны с тканями, давно исчезнувшие из производства игрушки и чемоданы с прочими драгоценностями тех времен. Под одной из кроватей спрятался огромный чехол с аккордеоном. Кира отучилась в музыкальной школе и умела на нем играть. Сестру же эта участь миновала, она самоабвенно увлеклась бальными танцами и блистала на сцене, в то время как Кира до боли в пальцах разучивала этюды и вальсы. Благо не приходилось таскать инструмент до школы, а когда она получила диплом, бабушка приехала и забрала аккордеон в деревню.

Проведя пальцами по черной запылившейся крышке, Кира ощутила странное тепло и потянула за ручку, вытащив чехол из-под кровати.

– Тяжелый, – пропыхтела она, волоча инструмент.

Вика так и не проснулась, она всегда отличалась крепким сном (даже пушкой не разбудить).

В гостиной стоял круглый стол со стульями, в уголке под кружевной салфеткой притаился старенький черно-белый телевизор. Пока Кира читала, Вика с бабушкой не могли пропустить ни одной серии «Кармелиты». Лежа на невероятно твердой кровати, чье дно в свое время дедушка по настоянию врача выложил толстыми деревянными досками, Оля с интересом смотрела про любовь, поплеывая семечки в ку-

лек, сооруженный Викой из газеты. Позже они с соседками обсуждали приключения цыганки за кружечкой чая или перебиранием гороха. Бывало, телевизор начинал рябить, или пропадал звук, тогда Вика хлопала по крышке ладонью, и картинка снова становилась четкой.

Кира перевела взгляд с черно-белого «старичка» на угол с зеркальным столиком, где хранилась бабушкина косметичка: щеточка для туши времен СССР, губная помада цвета пыльной розы, коробочка ленинградской пудры и пузырек с духами². Они с Викторией перепробовали всю косметику, пока Оля не было дома, но та вернулась пораньше, и сестры сбежали в дальнюю комнату-склад, а оттуда – на улицу через форточку и не возвращались домой, пока не умыли мордашки.

В мутном зеркале Кира увидела пугающе бледную кожу, под не выпавшими глазами залегли темные круги. Опустив чехол с инструментом на пол, она вошла в самую светлую комнату в доме – парадную (она же их с Викторией детская). Выкрашенные в желтый пастельный цвет стены, белый потолок с хрустальной люстрой и несколько сервантов с посудой. Бабушка привезла все из заграницы и сервизами пользовались в исключительно важные праздники – день рождения и Новый год. В остальное время Оля ела из старых тарелок с трещинками и сколами, которые не жалко разбить. Хотя

---

² От московской фабрики «Новая заря» (до революции – «Брокер и Ко»). Создали знаменитые в советское время духи «Красная Москва».

внучки искренне удивлялись такой бережливости, если не скряжничеству.

Именно в этой комнате они с сестрой жили в свое последнее лето, когда им было по пятнадцать лет. Как сейчас Кира видела картину прошлого.

На мягкой скатерти лежала стопка раскрасок, упаковки с новыми фломастерами и карандашами, из пеналов торчали ручки с блестками, а между страниц альбомов для рисования заложены фиолетовые копирки. В закрытом шкафчике Вика прятала от бабушки свою косметичку, чтобы к вечеру подкраситься и быстро сбежать, пока Оля не заметила.

Кира придерживалась естественной красоты, нося в кармане гигиеническую помаду, одевалась по-спортивному и не стеснялась худобы. Вика же, в попытке скрыть плоскую, до сих пор не наметившуюся грудь, носила лифчик с поролоном, яркий топ, джинсы с блестящим пояском и купленные на рынке новенькие туфли на каблуке. Стоило бабушке увидеть, на что внучка потратила подаренные деньги, она бежала жаловаться соседке бабе Ане, которую сестры терпеть не могли. С ровесниками Вика не давала себя в обиду, а при старших робела. Но здесь за нее всегда заступалась молчаливая Кира. Стоило противной бабе Ане начать критиковать молодежь, почему-то всегда именно в лице Вики, как в Кире просыпался непривычный для спокойного нрава гнев. Не заботясь о том, стыдно ли будет бабушке Оле за нее или нет,

Кира высказывала старухе все, что думает о ее понятиях моды и правильном поведении.

Свою внучку баба Аня держала в лютой строгости, следила за каждым ее шагом и взглядом, как тюремщик. Кира же была не намерена терпеть каникулы в обществе противной старухи с ее унижениями и нравоучениями.

К удивлению, баба Аня умолкала, но ровно до той минуты, когда девочка покидала поле битвы и уходила в спальню. Там из-за двери они с Викой слышали, как старуха недовольно шипит на отбившихся от рук детей: мол, Оле нужно как следует отходить их хворостиной. Бабуля, может, и отходила, но было бы за что? Ворчала она лишь для проформы, ровно как и жаловалась, но всегда знала, что ее внучки – приличные девочки: на улицах не попрошайничают, со взрослыми парнями на сеновале не кувыркаются, а коль с мальчишками по гаражам бегают, сено у соседей ворошат и малину у дядьки Коли втихаря объедают, так то и есть настоящее детство. Правда, одним лазанием по гаражам и чужим огородам дело никогда не заканчивалось.

Если соседи жаловались, Ольга могла прилюдно накричать на своих соплюшек, но руку никогда не поднимала, а стоило двери закрыться, говорила:

– Ну вы бы хоть ночью пошли яблоки таскать, что же тетю Глашу не знаете? Истеричка же! Эх вы, кулемы, – и подливала травяного чая да пирожок повкуснее подкладывала.

Внучек она обожала, но страсть как не любила, когда Ви-

куля ходила размалеванной. Так и норовила к ней подобрать-ся с мокрым полотенцем да рыльце с блестящими тенями и помадой отмыть. Но мелкая шустро сбегала – либо через дверь, либо в форточку, и как только пролазила?

Кира очнулась от воспоминаний и осмотрелась: диван, обтянутый ярко-зеленой тканью и укрытый золотистым покрывалом, был сложен, на нем они с Викой и спали. Сестра собственноручно заправляла постель, чтобы не оставалось ни единой складочки. То же происходило и с вещами: аккуратно развешаны на спинках стульев, разложены в шкафчике на полочках, а чемоданы убраны в дальнюю комнату-склад.

По вечерам девчонки рисовали и раскрашивали, обсуждали произошедшее за день, а бывало, тайно выпивали по рюмке бабушкиной наливки. Что им с одной стопки «Вишневой», но вскоре напиток закончился, и они не знали, что делать с опустевшей бутылкой. В преддверии дня рождения Оля закупила несколько коробок спиртного, и они перелили вино в бутылку из-под наливки. Замены бабуля так и не заметила, а сестры еще долго вспоминали тот случай.

На улице всюду светило солнце, согрев для Киры скамейку. Вытащив аккордеон из футляра и вдев руки в ремни, девушка усмехнулась – узковато.

– Вымахала... – как сказала бы Оля. Настроив инструмент под себя взрослую, Кира принялась наигрывать забытую ме-

лодию «Катюши»³. Ногти стучали по клавишам, меха тяжело вздыхали и набирались воздухом.

Из-за забора показался яркий платок, но Кира не обратила внимания на кислое выражение лица бабы Ани. Она не сомневалась, что старая бестия жива, хоть и потеряла прежнюю прыть, с трудом передвигаясь по огороду и что-то бормоча под нос.

– Выходи-и-ла на берег Катюша, на высокий берег на крутой! – заорала выскочившая на крыльцо Вика с полотенцем на плече, поддергивая подол ночнушки до кружевных стрингов.

Уж эту красоту баба Аня увидела воочию и, перекрестившись, поковыляла к себе в дом.

Вика заливалась песней, пока Кира не закончила играть. Они еще долго смеялись над противной старухой.

– Вот ханжа! Какой была, такой и осталась, у-у-у старая жаба! – Вика бросилась к соединявшей заборы калитке и задергала. – Я те покажу! У меня тут ложки пропадают!⁴

Хлипкая калитка недовольно скрипнула, мол, в чем я-то виновата? Мне и самой такое соседство не по нраву.

– А ты чего подорвалась-то? Ишь бельем светит, бесстыдница! – на манер бабы Ани Кира стала подтрунивать над сестрой и сама спустила пижамные штаны, предъявив трусе-

---

³ Популярная советская песня. Композитор – Матвей Блантер, автор слов – Михаил Исаковский.

⁴ Цитата из к/ф «Девчата».

ля в полоску. Она видела, что старуха наблюдает за ними из окна и уже звонит соседке, чтобы доложить обстановку.

Отсмеявшись и вернув одежду на место, сестры удалились в дом, не забыв про аккордеон. Теперь старый шептун всегда будет поблизости.

Вика расположилась за столом, согнув ногу в колене, держа в руке мобильный телефон, она попыталась подключить-ся к соседскому вай-фаю, но тот оказался запаролен.

– Пф! Жалко что ли инета? – проворчала она и бросила взгляд на потолок. – Нда, роутером здесь и не пахнет. Походу надо наведаться к соседу, может, подскажет телефон интернет-компании.

– А завтрак? – Кира стояла, прижавшись к дверному косяку, и поглядывала на плиту.

К этому старинному агрегату она побаивалась подходить как в детстве, так и теперь. Но не из-за страха пожара, вовсе нет, а потому что плита была перепачкана копотью и жиром. Притронешься и сам пропитаешься ими, а заодно провоняешься рыночным маслом.

– Так, может, у бабули чего в холодильниках завалилось, не зря же их два, – засунув мобильник за резинку трусов, Вика отправилась на разведку.

Первый холодильник порадовал тремя яйцами, упаковкой сливочного масла, банкой с остатками домашней сметаны, пластиковой бутылкой с жирненьким коровьим молоком и

вялыми огурцами.

Вика подхватила пупырчатого друга кончиками пальцев и тяжело вздохнула:

– Прямо как у моего бывшего. Ладно, кажись, не такие они испорченные, половину отрежу, остальное в салат, – она понюхала сметану и молоко, убедившись, что они съедобные, и первым делом отправила яйца на сковородку.

Второй холодильник был до отвала забит мороженым мясом, рыбой и икрой.

– Походу батя передавал, а она как всегда оставила на черный день.

– Похоже, – согласилась Кира. – В общем, ты пока готовь, а я схожу к соседу. Иначе бедняга и слова не вымолвит, увидев твои кружевные, – сняв крышку с рукомойника и поняв, что придется идти не только к соседу, но и за водой, Кира тяжело вздохнула. К счастью, в свое время дедушка обзавелся собственным колодцем и насосом.

«Вот тебе и сельская жизнь. Сортир на улице, подтирайся газеткой, если не лопухом, и мойся в тазу. Нет уж, не для того нам достался дом, чтобы я в нем пропадала».

Умывшись ледяной водой и причесав торчащие волосы, Кира вышла из дома и направилась к соседу, над чьим домом красовалась кругленькая тарелка спутникового телевидения. Она помнила, что когда-то здесь жила девчонка Таня с двумя братьями. «Живет ли она там и сейчас?»

Подойдя к добротному деревянному забору, девушка на-

жала на кнопку звонка. На шум выбежала овчарка и залаяла. Кира улыбнулась:

– Ну чего ты растягивалась? Мне тоже нужен интернет.

Словно поняв ее, животное замолчало, а из дома вышел упитанный парень. На крупном носу поблескивали очки, поверх белой майки, облегающей круглое, как шарик, пузо, темнела рубашка

– Тебе чего? – прогнусавил он, оглядывая бледную осунувшуюся девушку в драных джинсах и черной футболке с черепом. Он хотел гаркнуть на нее – мало ли наркоманов бродит, но девушка улыбнулась и заговорила так вежливо, что Николай решил, будто ему послышалось.

– Доброе утро, прошу прощения за беспокойство. Я увидела, у вас есть тарелка для спутникового телевидения, может, есть и интернет?

Коля почесал макушку и застегнул несколько пуговиц на рубашке, прикрыв грудь с темными волосками:

– Ну есть, и че?

– Мы с сестрой приехали к бабушке... – Кира указала на дом.

– А-а-а! – осенило его и брюхо заколыхалось. – Так ты шоль бабы Оли внучка? Кира вроде...

Девушка кивнула.

– Тьфу ты! Сразу бы сказала, а я уж было подумал... – но он не решился озвучить, что эта бледная моль похожа на наркоманку. – Так я Коля, старший брат Танюхи. Вместе у

качелей зависали, не помнишь?

– Да, точно, – Кира натянуто улыбнулась. Вспоминать девичьи склоки ей не хотелось. – Так что с интернетом?

– Да у бабки вашей отродясь его не было, говорила, на кой ей? Но телефон-то у нее есть?

– Да, городской. Через него смогут провести и подключить? – Кира прижалась к калитке и даже не почувствовала, когда ее руку лизнула собака.

– Ну, мне так и подключили, – Коля быстро снял очки и спрятал в карман, постеснявшись собственной близорукости. «Тощая, как селедка. Может, они там в своей столице все такие?»

– Отлично, а то интернет очень нужен. Подскажи, пожалуйста, номер компании, я вызову мастера.

Коля вернулся в дом и принес визитку:

– Так ты одна приехала? За наследством али как? У тебя же еще сестра была, Вика?

Кира забрала карточку:

– Да, мы с ней и приехали.

– В городе не сидится, решили в родные пенаты податься? У нас тут хорошо, воздух, продукты, не то что у вас – одна химия. Так вы надолго? А то, может... по-соседски вечером посидим, выпьем. Сало свое! Сам развожу свиней и мясо продаю.

– Ага, – Кира уже читала название фирмы, запоминая номер телефона. – Надолго ли, не знаю, проживем – увидим, нам

торопиться некуда. А насчет ужина – нам пока некогда, спасибо за телефон, – отдав Коле визитку, Кира улыбнулась и вернулась домой.

– Ну и вали, скелет ходячий. Небось, с диеты не слазишь, – Коля хотел с досады пнуть собаку, но сдержался и поплелся обратно.

Сестра Танюха давно вышла замуж и перебралась в другой город, младший брат Витя помогал ему на рынке и жил со своей девушкой на квартире, временами приходя к нему с фингалом под глазом. Девка у Витьки оказалась бабой горячей и ревливой – чуть что хваталась за сковородку. Нет бы Вите как следует ее поколотить, так нет же, кишка тонка. Не то что у него, Коли! Он один остался жить здесь с родителями, пока те не преставились, и дом окончательно отошел ему. По возрасту Николай был года на два старше внучек Оли. Когда прихватывало спину, заходил к старухе, и та натирала поясницу чем-то остро пахнущим, обвязывала платком из собачьей шерсти, и спина проходила за неделю. «Где теперь сыщешь врачевателя, который за бесплатно вылечит?» – недовольно подумал Коля и, цыкнув на собаку, хлопнул дверью.

Вика как раз закончила сервировать стол, успела переодеться в костюмчик из малинового бархата и завязала волосы в пучок. Кира набрала указанный на визитке номер и быстро договорилась о вызове мастера.

– Надеюсь, сегодня все сделают, я готова доплатить, – она села за стол и наколола омлет на вилку.

Старинное серебро оставляло во рту неприятный металлический привкус, и Кира взяла на заметку прикупить новые столовые приборы. Она не питала слабости к подобным раритетам, как и предпочитала пастеризованное молоко из супермаркета свеженадоенному. Городскому жителю сложно менять вкусовые пристрастия в деревенской обстановке.

– И чего делать будем? – спросила Вика, закончив с завтраком и убрав тарелку в таз с водой. – Жить не тужить нам в этих «благах» цивилизации, – с сарказмом отметила она.

Кира оперлась спиной о скрытую за занавеской швейную машинку, положила в чашку с бултыхающимся чайным пакетиком кубик сахара и ответила:

– Ну, для начала обыщем дом.

Вика едва не выронила мыльную тарелку:

– Как в детстве? – заговорщицки шепнула она, ее большие карие глаза расширились от предвкушения.

Сестра кивнула:

– Именно, а еще бабуля оставила нам небольшую, но все же ощутимую сумму.

– Так, может... вложим ее куда-нибудь? – Вика забрала опустевшую тарелку и принялась мыть.

Кира качнула головой:

– Нет, чтобы куда-то вложить, необходимо здесь постоянно находиться, да и время уйдет на разбирательство. Пред-

лагаешь и дальше жить без удобств?

Вика согласилась, вытирая тарелки полотенцем и убирая в шкафчик:

– Да-а-а... необходимо срочно что-то делать с этими хоромами. А что с ценой на землю, если все продать?

– Паршиво, пока была на работе, проверила – никому не сдалась эта халупа, да и мама будет не рада, они же с твоим батей здесь выросли. Память... – с кислым выражением Кира оглядела бледно-голубые стены, выкрашенные в ореховый цвет двери и косяки. – Первое время можем помыться у бабушки Тоси, мама говорила, она еще жива, была у нее как раз перед похоронами недели три назад.

Вика развесила полотенце на батарее и задрала половинок, но, кроме пыли и мусора, под ним ничего не оказалось.

– Разделимся, – скомандовала она.

Кира убрала все со стола: под скатертью обнаружилось несколько крупных купюр и монеты.

– Глянь в гостиную.

Вика метнулась туда и радостно вскрикнула, предъявив деньги:

– Все же надо глянуть и под матрасами, и в шкафах, помнишь, она еще всегда в белье прятала.

Через час на диване в светлой комнате они разложили найденное богатство.

– С бабушкиными деньгами этого должно хватить если не на ремонт, то хотя бы на элементарные человеческие условия

вместо тазика с водой и ведра, – подытожила Кира, памятуя местные расценки.

Коротая последние две недели перед увольнением и долгожданным отпуском, Кира занималась поиском информации, лишь бы не думать о случившемся. В Москве ей было физически больно оставаться, и мысли о разрыве с женихом не давали покоя, сдавливая живот спазмом, а к горлу подкатывала тошнота, и девушка сбегала в уборную. Врач прописал антидепрессанты, чтобы избавиться от повлиявшего на весь организм стресса, но злополучный пузырек так и остался валяться в тумбочке Кириного рабочего стола. Пусть Алексей ими подавиться, а она и без них справится со своими недомоганиями. Измена и расставание дались ей слишком тяжело. Работа в одной фирме не облегчала дела, и Кира с трудом выдержала положенное время, прежде чем уволилась и уехала из Москвы. Вика могла остаться дома, но у неё также не заладилось ни с работой, ни с личной жизнью, и сестры сбежали в единственное отдаленное от большого города место – дом покойной бабушки.

– Ой, я вспомнила еще про одну заначку! – Вика вскочила с дивана и бросилась к холодильникам. Кира услышала ее вопль и поспешила за сестрой.

Та стояла у занавески, разделявшей коридор и подобие гардеробной.

– Что случилось? – Кира отдернула шторку. Вместо навешанных на стену вещей она увидела новенькую дверь с раз-

ноцветной мозаикой, а за ней унитаз и полноценные ванную со стеклянной дверцей вместо клеенчатой шторы. На полу лежал махровый коврик с бирюзовым ворсом. На полочках в узком шкафчике – новенькие, пахнущие мылом полотенца.

– Есть бог! – радостно вскричала Вика и бросилась Кире на шею, прыгая на месте.

– Когда она успела сделать эту пристройку, ведь с улицы как был сарай, так и остался, – Кира удивилась не меньше, зачаровано трогая плитку под дерево, квадратики с узорами. Вика открыла кран, и из него полилась горячая вода, крутанула влево – холодная. Душ также исправно работал.

– Ну, все! Это надо отметить, ну, бабуля, спасибо! – Вика поклонилась белоснежному унитазу и еще раз обняла Киру, а затем вытолкала ее наружу, решив проверить главное достижение людского прогресса.

Кира вернулась в кухню и вылила таз с водой в раковину: мыльная вода заклокотала в черной дыре канализации и... утекла, а не выплеснулась на пол, как в детстве.

– Спасибо, бабуль, – девушка благодарно погладила стену. – Мы наведем здесь порядок и как следует отдохнем, как раньше, – глаза увлажнились, и Кира утерла слезы.

Позже, когда пришел мастер, и Вика следила за установкой роутера, Кира вышла на улицу и, обойдя дом, оказалась на небольшом огороде. С одной стороны здание подпирала яблоня, куда они в детстве взбирались, переползая на крышу, и прятались от ругани бабушки, ворчащей, что внуки

сломают черепицу и свалятся, а с другой – вишневые деревья. Если девчонки хотели вареники, то бабушка выдавала им по ведерку и усылала собирать, затем чистить от косточек и ждать, когда в кастрюльке всплывут большие аппетитные варенички, чтобы съесть их со сметанкой да присыпать сахарком или полить тягучим золистым медком.

Вдоль сетки, разделявшей их участок с соседским, темнели заросли малины. Сестры любили лакомиться чужими ягодами, хотя у бабули на дальнем огороде росли свои, но мало, и все они шли на варенье. А вот второй сосед отгородился от бабушки высокой стеной, отделанной камнем и напоминающей скалу, гармонично вписавшуюся в антураж сада.

«Или она всегда здесь была?» – Кира перевела взгляд на холмики грядок, разделенные деревянными квадратиками, чтобы зелень не смешивалась с земляникой, морковкой и редиской. На пустых участках разрослись карликовые розы. «Раньше здесь все было засажено целебными травами вперемешку с капустой и зеленью, а сейчас...»

Кира неторопливо прохаживалась по мягким травяным дорожкам, ступала на гладкие, нагретые солнцем овальные камни и осторожно касалась пальцами нежных розовых бутонов. Цветник благоухал.

«Все так изменилось».

Приставленная к двери чердака железная лестница, когда-то ржавая, теперь была выкрашена в синий цвет. Осторожно поднявшись по ступеням, Кира сняла массивный за-

мок и со скрипом открыла дверь. На чердаке было тепло, душисто пахло сеном. Раньше у бабушки в хлеву жила коровка, каждое утро Оля подливала внучкам в кашу свежего молочка. Вика пила спокойно, а вот Киру подташнивало. Они с сестрой выгуливали скотину: гнали на футбольное поле, где паслись такие же буренки, и забирали в обед. Половицы поскрипывали от ее шагов, в центре громоздился зеркальный шкаф, а по углам и у стен лежали коробки с книгами, пакеты с детскими вещами и многое другое, нашлись даже велосипед, железные роликовые коньки и дедушкин чемодан.

Кира стала выдвигать ящички шкафа – те с трудом поддавались, неприятно скрипя, словно не хотели открывать свои тайны.

Под изъеденным молью пуховым платком Кира нашла деревянную шкатулочку. Странное волнение зашевелилось в ее груди. На миг сердце замерло, а когда она откинула крышку, перед глазами появились смутно знакомые образы прошлого.

Лето. Жаркий солнечный день. Кире четырнадцать, бабушка решила вздремнуть после прополки огорода, а девочки наделали бутербродов, сорвали с грядки огурцов побольше и, перекинув полотенца через плечи, ушли на речку.

Вода такая приятная и освежающая, Кира с удовольствием ныряет, чувствуя, как прохлада окутывает тело, наполняет энергией. Хочется остаться в ее объятиях подольше, но

в груди тревожно бьется сердце, пора всплывать. Внезапно ногу сводит судорогой, и Кира трепыхается, вода больше не кажется ей приветливой спутницей, тянет ко дну в илистый мрак, где, возможно, уже лежат кости какого-нибудь пьянчуги, которого так и не нашли. Она не хочет лежать и мерзнуть вместе с ним.

Сильная рука схватила ее за запястье и потянула наверх, туда, к светлому кругу.

Что-то теплое и нежное коснулось ее губ, вдохнуло жизнь, и Кира болезненно исторгла из легких речную воду с привкусом тины. Девочка увидела яркие, почти бирюзовые глаза, или же это игра света, ведь у темно-русого мальчишки они серые. С одежды капает вода, но он быстро снял футболку, обнажив грудь, жилистые подкачанные руки и пресс. Мальчик казался старше. В тот жаркий день он сорвал с ее губ первый в жизни Киры поцелуй и вдохнул глоток воздуха.

Взрослая Кира вздрогнула, и из шкатулки на пол вывалилось два колечка. С едва слышным звоном они стукнулись друг о дружку. Еще долго Кира смотрела на них, пытаясь понять, как могла забыть то лето, первый поцелуй, имя... она не помнила, как зовут спасителя.

– Кажется что-то на Д... Дима? Дамир? Давид? Денис... Дем...

– Чего нашла? – Вика вторглась в ее мысли и удивленно подобрала два кольца. – Ух ты, не припомню, чтобы у нас

такие были.

– Вот и я не помню... – разочаровано пробормотала Кира и протянула шкатулку. – Здесь нет ничего особенного. Что с мастером?

Вика примерила колечко на мизинец – единственный палец, куда оно налезло:

– Все установил да еще пытался втюхать кабельное, но нафиг оно надо, я и на Ютубе посмотрю, – девушка взмахнула наманикюренной ручкой, и колечко блеснуло крохотным изумрудным камушком. Вика нахмурилась, прижав пальцы к вискам. – От этой погоды голова разболелась, пойдем что ли прогуляемся, вроде передавали дождь...

– Во второй половине дня, а до тех пор успеем увидеть места нашего детства, – Кира вернула серебристое, похожее на обручальное кольцо в шкатулку и, прижимая находку к груди, спустилась вниз.

Спрыгнув на землю, Вика взглянула на часы и удивленно заметила, что кольцо едва не съехало с мизинца:

– Странно, вроде было мало.

– Может, оно безразмерное, и ты его о лестницу задела, вот половинки и разошлись, – предположила Кира и из любопытства достала свое – оба кольца оказались безразмерными: бижутерия, какую раньше крепили к жвачкам.

– Точно! Кстати, за столько времени странно, что напыление не слезло, если не присматриваться, то не похоже на дешевую бижутерию, ты не находишь?

Кира пожала плечами:

– Ты же знаешь, я в этом не разбираюсь, мое старое кольцо осталось на работе вместе с Лешей.

Вика скривила рожицу:

– Да забудь ты об этом Иуде, пошел он, кобель драный, со своим предложением руки и члена. Нашел синицу, придунок! Нет уж, станешь для него журавлем⁵, – и ободряюще хлопнула сестру по плечу.

– Ага, – слабо улыбнувшись, Кира потерла безымянный палец, где когда-то носила помолвочное кольцо.

Но после обеда дождь так и не начался, зато самочувствие Вики значительно улучшилось. От выпитой бутылки вина градус положительных эмоций от воспоминаний резко повысился. Давно не пьющая ничего крепче аптечной настойки, Кира быстро захмелела, но успела вовремя остановиться, чувствуя легкое покалывание в ладонях и голове.

– Вот сволочь! И чего я с ним была? – говорила она на повышенных тонах, ковыляя с сестрой по освещенной фонарями ночной улице. – Изменил мне с моей же коллегой по работе и делал вид, что их ничего не связывало, хотя все наши бабы уже знали. И деваха его, дура, не удержалась, проболталась одной, она – другой, и пошло-поехало!

---

⁵ Крылатое выражение «Лучше синица в руках, чем журавль в небе». Если понимать буквально, то синица во фразе является чем-то легким и достигаемым, а журавль – несбыточным, недостижимым, мечтой, фантазией.

– Урод и скотина! – вторила сестре Вика, неся пустую бутылку вина и надеясь увидеть урну. – Что за город? Ни одной мусорки, во дворы что ли тащиться, чтоб выкинуть, – ворчала она.

– И только сейчас я понимаю, как рада, что мы с ним расстались! Представляешь, что бы было после брака? – слегка заплетающимся языком вещала Кира и, отобрав бутылку, бросила ее в железное ведро рядом с остановкой. Бутылка с грохотом разбилась, а девушки прыснули со смеху.

– Ой, извините, – Вика постучала носком туфельки по урне, а Кира махнула рукой.

– Смотри, там же за стеной крепости дамба, пойдем, может, увидим в воде звезды, – и потянула сестру за собой. Та послушно зацокала, стараясь ни за что не зацепиться.

– Ну и дороги, жуть.

– А какого лешего ты обула туфли? Забыла, как в детстве чуть не навернулась на них? Кулема, – Кира засмеялась, прикрыв рот ладошкой.

– Ой, за столько лет могли бы нормальные дороги сделать, – фыркнула девушка, понимая, что сотрет каблуки и потом придется тащиться к мастеру.

Они обогнули кирпичную стену крепости Босых кармелитов; уже который год ее огораживал хилый деревянный забор, чтобы никто не совался в опасное для жизни место. В любой момент со стены мог отвалиться камень и упасть на голову нерадивому любителю острых ощущений. Вика с Ки-

рой и сами были такими же: в детстве они пробрались за забор и долго плутали среди кустов, пытаясь забраться на стену, но не вышло, и девочки ушли разочарованными.

У небольшой плотины шумела вода. Подойдя к железным перилам, девушки задрали головы, едва не свалившись в траву, и восхитились звездной пеленой.

– Такого в городе не увидишь... – прошептала Кира, помня, как свет высоток затмевал небесную красоту. Счастьем была возможность разглядеть луну между домов, а до звезд не дотянуться.

– Припоминаешь, как мы здесь плавали? – подложив ладонку под щеку, пробормотала Вика, расплывшись в улыбке. – Во времечко было, ни тебе работы, ни проблем. Все, что надо – собрать с утра вишню или клубнику, подсобить бабуле в огороде, и гуляй, Вася.

– А то! А как лазили с мальчишками по гаражам, на чужом огороде воровали кукурузу, а за нами бегали бабки с лопатами.

Вика озадаченно заморгала, пытаясь припомнить:

– С мальчишками? Какими это...

Кира удивленно распахнула глаза, быстро протрезвев:

– Как это какими, мы же с ними здесь и познакомились.

Я только сегодня вспомнила, вот прямо сейчас...

Вика пожала плечами и, схватившись за голову, скрипнула зубами:

– Уй, как больно, – она осела на траву, массируя виски. –

Стрельнуло прям, ужас...

Кира погладила ее по голове, вытащила из рюкзака бутылку с водой и таблетки:

– Выпей это.

– Да не... кажись, прошло, – она с облегчением выдохнула, но от воды не отказалась.

– Мальчишки, гаражи, вроде бы... что-то такое припоминаю, но сразу голова начинает болеть.

В небе прогремел гром, и девушки вздрогнули, но не успели сделать и шагу, как их залил небесный потоп. С криками они бросились к ближайшей остановке, но до той было бежать и бежать. Промокнув насквозь и спрятавшись под козырьком, Кира пыталась вытереть руки о более-менее сухую часть джинсов.

– Черт, мой разрядился, – посетовала Вика, глядя на темный экран мобильного.

– Да он у тебя вечно разряжен, – хихикнула Кира и тут же замолчала. В ее телефоне не было ни одного номера такси – не из Москвы же вызывать. – Проклятье, придется ждать попутку, или так и останемся здесь ночевать, а заодно и заболеем, – она выжала край прилипшей к телу футболки.

– Ниче, счас кого-нибудь тормознем, – Вика отбросила копну мокрых волос назад и выглянула из-под козырька, но мгновенно сделала шаг обратно, словно кошка, которой противный дождь капнул на мордочку. – Никого, вот тебе и деревня.

Дрожа от холода, Кира громко чихнула и выудила из кармана салфетку, но в мокрых руках та мигом превратилась в вялую тряпочку. Застонав от безысходности, девушка хотела было опуститься на лавочку, но Вика дернула ее за запястье и вытянула под ливень, маша рукой свету приближающихся фар.

Перед ними тормознула машина вишневого цвета, и из открывшегося окна выглянуло улыбающееся мужское лицо:

– Привет, красавицы, подвезти?

Кира бросила взгляд на сестру: садиться в машину к незнакомцам не хотелось, воображение подбросило истории с маньяками и насильниками, но Вика решила ее сомнения и первой устроилась на заднем сиденье.

В салоне было сухо, а главное, тепло; ощущался ненавязчивый аромат цитруса. За рулем сидел короткостриженный парень. Его лица Кира не разглядела, а вот соседа с большим ртом и широкой белоснежной улыбкой приняла за цыгана. Присмотревшись, поняла, что он просто смугловат, черты лица приятные, большие глаза с пушистыми ресницами.

– Меня зовут Штефан, а этот молчун – мой брат Демьян.

– Вика, – улыбнулась та.

– Кира, приятно познакомиться.

– Ну что, куда доставить? – задорно спросил «цыган».

– В ближайшую баню, отогреться, – кокетливо ответила Вика и всколыхнула мокрыми волосами. Брызги попали собеседнику на лицо.

– Вик, – Кира зашипела на сестру и стала быстро вытирать капли новой салфеткой, а заодно и промокнула пряди Вики. У самой Киры была короткая стрижка, чему она сейчас несказанно обрадовалась.

– Ну, в баню так в баню, знаем одно местечко, – парень подмигнул им и похлопал товарища по плечу, но тот сбросил его руку.

– Не уверен, что это хорошая идея, – едва слышно проворкотал он.

– Да брось, девушка русским языком сказала, куда ехать, а слово дамы – закон. Мы и так весь день мотались вне города, хочется расслабиться.

Кира увидела, как напряглись плечи водителя. Сжавшись у окна, она молча следила за дорогой. Они ехали в противоположную от центра сторону, и ее сердце гулко забило от волнения. В любой момент она была готова открыть дверцу и выпрыгнуть на обочину, но этого не потребовалось. Машина неторопливо развернулась и поехала по знакомой Кире дороге, мимо рынка, свернув у здания общежития на улицу Шалома Алехейма и чуть дальше вниз, почти к дому сестер. Под колесами захрустел гравий, и машина остановилась у той самой стены, которую Кира видела с утра и приняла за скалу. «Они наши соседи?» – в голове мелькнуло удивление.

Ливень превратился в легкий дождь, тихо барабанил по лобовому стеклу.

– Приехали, прошу к нашему шалашу, – пригласил «цыган», ответив на мысленный вопрос Киры. Выйдя из машины, он открыл дверь с Викиной стороны и галантно предложил руку.

Сестра прищурилась, но подала, едва не зацепившись каблучком и почти упав в объятия темноволосого красавца.

Кира нехотя вылезла под морозящий дождь и встретила взглядом с яркими, как будто светящимися в полумраке серыми глазами. Черты его лица показались одновременно и знакомыми, и чужими, вглядываясь в них, она вдруг захотела провести пальцами по острой мужской скуле, темной брови с тонким шрамом, по шее со странными порезами с обеих сторон. Заметив ее пристальный взгляд, парень накрыл их рукой и потер, словно у него заболело горло.

– Вы здесь недавно? – тихо спросил он и опустил взгляд на свои кеды. – Раньше тут жила бабушка Оля.

– Братец, скорее идите в дом, ты не видишь, что девушки насквозь промокли?! – одернул его «цыган» и, толкнув массивную калитку, провел Вику внутрь. – У нас есть чудесное крымское варенье из лепестков роз и травяной чай, вы такого не пробовали.

Кира смущенно улыбнулась:

– Вчера приехали. Оля – это наша бабушка, три недели назад она скончалась, – и последовала за сестрой, услышав, как в машине щелкнул замок. Парень держался позади, лязгнув закрывающейся калиткой.

Глава 2

Франция, 1545 г.

Если бы какая-нибудь гадалка с Монмартра⁶ предсказала Амбруазу⁷ Парэ, что его первенец родится с ужасающей аномалией и будет подобен сыну Посейдона, господин Амбруаз рассмеялся бы ей в лицо и последовал своей дорогой. Но порочная связь с замужней аристократкой принесла тридцатипятилетнему хирургу самое удивительное, не поддающееся ни одному медицинскому объяснению существо – его первенца Реми.

На своих окровавленных ладонях хирург держал создание моря, но никак не человека. Крохотное тельце покрывала серебристая чешуя, маленькие, как у осьминога, влажные чернильно-черные глаза без белков, вместо носа – две щелочки и полный ротик по-рыбьи острых зубов. Существо шевелило худенькими ножками-ластами и ручками с перепонками между пальцев.

Исторгнув послед и застонав от усталости, Жанетон потеряла сознание, и у Амбруаза было несколько минут, чтобы

---

⁶ Монмартр ([фр.](#) Montmartre) – название 130-метрового [холма](#) на севере [Парижа](#).

⁷ Амбруаз Парэ (1510 —1590, [Париж](#)) – французский [хирург](#), считающийся одним из отцов современной [медицины](#).

принять решение – избавить мир от монстра или же подарить ему жизнь. Отложив младенца, он позаботился о возлюбленной и, очистив инструменты, убрал их в саквояж.

«Хирург – это Бог в мире людей, но смею ли я... отобрать ни в чем неповинную жизнь, даже столь необычную? Мое семя дало ему возможность появиться на свет, так почему бы... не стать творцом для, вероятно, новой расы?» – впервые после войны Амбруаз был готов воздеть руки к небу и обратиться к тому, кто царствует в светлой обители, незримому создателю мира и человека по своему образу и подобию, с единственной молитвой.

– Дай знак! – и ночное небо озарила вспышка молнии.

«Неужели он разгневался? И все из-за моего сомнения...» – мужчина взял ребенка на руки: тот посасывал большой пальчик. Когда младенец пошевелился, хирург ощутил острую боль в ладони. Едва не уронив дитя на пол, он успел прижать его к груди и увидел выступивший из детского позвонка острый плавник, такие же появились и на локтях тонких ручек.

Из-за дверей послышался шум, служанка возвращалась с порцией горячей воды и свежим бельем.

Подхватив полотенце, мужчина завернул дитя и, прикрыв его личико, быстро покинул комнату, пройдя мимо девушки, опустившей глаза в пол.

Стоило дождевым каплям упасть на разгоряченное лицо Амбруаза, как они показались ему обжигающими, словно он

стоял посреди пекла, и на него брызгало адским кипятком из котлов с мучающимися грешниками. Детский плач вывел его из оцепенения, и Амбруз подошел к реке. Опустившись на колени, он протянул трясущие руки с младенцем и окунул его в воду, держа так долго, как только позволял разум, но запоздалые муки совести встрепенулись в его душе, и со стоном хирург вытащил младенца. Заледеневшие, почти негнущиеся пальцы откинули прилипший к крохотной головке край полотенца, и новая вспышка позволила мужчине увидеть собственное отражение в распахнутых, живых глазах младенца.

Струйки воды стекали с тонких, напоминающих жабры прорезей на его шейке, он мог дышать. Дождь перешел в ливень, и дитя вскрикнуло как всякий младенец, требующий материнской груди, дабы вкусить первое в жизни молоко, а вместе с ним и саму жизнь.

– Прости меня, ибо не ведал я, что творю. Как мог так поступить?! – затараторил хирург и, осекшись, поднял взгляд к горящему окну. «Должно быть, Жанетон уже очнулась. Роды всегда давались ей легко, ведь своему мужу она подарила трех здоровых детей, но о четвертом Жанетон не узнает никогда. За что же Всевышний покарал меня этим... морским созданием?»

Сегодня ночью Амбруз окончательно порвет с женщиной, которую, как ему казалось, он сильно любил. Но Господь даровал ему сына – насмешку природы или же дар? Хи-

руг пока не знал, но собирался сделать все, чтобы разгадать Его замысел.

Оставив дитя на конюшне, он вернулся в дом. Служанка как раз спускалась с тазом окровавленной воды.

– Эмилия, передайте госпоже, что меня ждет еще один пациент, и я вынужден немедленно уехать, – он вытащил из поданного девушкой плаща пузырек с каплями. – Как только она очнется, пусть выпьет одну чайную ложку с чаем и отдыхает.

Служанка приняла лекарство и понимающе кивнула. Ее лицо не выражало ни капли любопытства, она знала, что за лишние вопросы мадам может наградить ее щедрыми оплеухами. Что сделал доктор с ребенком, не должно ее волновать – у аристократов свои понятия о жизни и смерти. Они могут грешить, и Господь их не покарает – он никогда не наказывает богатых, а Эмилии необходимо сохранить работу, иначе ее младшие братья и сестры умрут с голоду.

Погода бушевала. Возвратившись домой, Амбруаз стянул вымокший до нитки плащ и повесил на подставку, на полу вмиг образовалась лужа. Но не это его волновало – ребенок хрипел, задыхаясь, и мужчина кинулся в ванную, вылил в бадью два графина воды и наведалься в кухню за еще несколькими.

Лежа на дне, ребенок успокоился и зашевелил ручками и лапами, разбрызгивая воду и глядя на отца темными глазами.

– Сын Посейдона, порожденный человеком, для тебя у меня есть лишь одно имя – Реми⁸.

Он покормил дитя коровьим молоком из рожка и уложил спать среди подушек на постели, но не сомкнул глаз, боясь, что дитя вновь начнет задыхаться. На следующий день Амбруаз написал для Жанетон трогательное и драматичное послание об их расставании. Он убывает из Парижа в надежде найти утешение в работе, унося в мыслях мертвый плод их разбитой любви.

К счастью, Жанетон оказалась не мстительной и даже вновь смогла заинтересоваться собственным мужем, подарив тому через три года дочь. В то время как вдали от столицы, на берегу моря рядом с Марселем обосновался некий монах, на чьем попечении находился трехлетний мальчик, чей отец время от времени к нему навещался.

Амбруазу повезло: монах, которому он спас жизнь во время войны, готов был вернуть долг заботой о сыне Спасителя. Только им и никем другим Амбруаз считал смышленного Реми. Хирург вел подробные записи, и за первый год жизни малыша многое узнал и смог понять – дитя сможет выжить в их непростом мире и скрыть свою истинную природу.

Реми действительно вырос, и внешность его изменилась ровно настолько, чтобы, завидев его в толпе, люди не останавливались. Чернильные глаза приобрели чистый синий цвет, а зубы благодаря стараниям Амбруаза сточились ров-

---

⁸ Обозначает – гребец (франц).

но настолько, чтобы не пугать окружающих. Облик портил лишь слишком приплюснутый нос, но и с ним можно было жить, не боясь, что тебя посчитают уродом. Реми стал моряком и смог побывать в разных странах, ни на миг не позволив людям усомниться в своем человеческом происхождении. Его секрет знали отец и монах, который, словно учитель, ждал юношу из каждого путешествия, пока на пути «сына моря» не встретилась красавица Орабель. Она была единственной, кому он хотел открыться, но боялся, что девушка пострадает, узнав, какое чудовище может от него родить. Реми готовился расстаться с возлюбленной, однако недооценил упорства Орабель, и в лунном свете, на морском берегу, укрывшись в небольшом гроте, они узнали истинную любовь – бесстрашную и верную⁹.

***

Лето, 2013 г.

Надолго девушки в гостях не задержались и, снабженные банкой крымского варенья и широким зонтом, были галантно проведены до забора.

– Еще увидимся, – Штефан с улыбкой помахал рукой, но обернулась только Вика.

---

⁹ 1565г. Реми 20 лет, через год у них с Орабель родился сын, унаследовавший от отца такую же аномалию и став вторым человеком-амфибией (второй ребенок родился абсолютно нормальным). Почти четыре века спустя их французский род по-прежнему существовал, неся ген амфибии от отца к сыну и передавшись Демьяну от своего отца.

– Давай быстрее, а то я промокну, – одернула ее втянувшая голову в плечи Кира. И сестра поторопилась к ней под зонт, предложив помочь с банкой.

Вернувшись в дом, Штефан опустился за стол с пустыми чашками, посмотрел на заварник из прозрачного стекла, купленный дядей в Турции, и на бесстрастное лицо Демьяна. Взгляд друга остекленел.

– Думаешь, не узнали нас?

Дем вздрогнул и моргнул:

– Не знаю. Но разве тебе не интересно, чтобы они сами нас вспомнили?

Штефан недовольно щелкнул раздвоенным языком и потер глаза. В змеиных зрачках полыхнул гнев догадки:

– Еще не разобрался, но, надеюсь, старая ведьма изжарится в Аду.

Дем посмотрел в окно: потемневшая от дождя стена отделяла их от дома девушек. Он и сам не понимал, почему не отвел Киру в сторону, не сказал, кто он.

«А что бы это изменило? Она бы все равно ничего не вспомнила, только вежливо улыбнулась, пожалала плечами, а в голове – пустота. Ольга знала, каким зельем опоить внучек, чтобы они напрочь позабыли обо всем, что с нами связано, и не захотели вернуться в Бердичев».

С Кирой и Викой они познакомились, когда им со Штефаном было по пятнадцать лет, и уже тогда мальчишки за-

ключили что-то вроде сделки: каждый выбрал себе одну из девчонок. В качестве подарков были выиграны кольца из автоматов, выкатившиеся в пластиковых шариках вместе со жвачкой. В те годы эти колечки казались их компании символом настоящего обручения. Но шли годы, детство закончилось и позабылось, утонув в череде событий. Демьян бы и не вспомнил о Кире, если бы не случайность, позволившая им столкнуться у остановки этим вечером.

Запомнившееся с детства имя всплыло в голове вместе с привкусом речной воды, бултыхающимися руками и ногами. Он спас тонущую девочку и вытащил на берег. Купальник облегал плоскую грудь и узкие бедра, мокрые волосы липли ко лбу. Штефан заботливо укутал Вику полотенцем, пока Демьян умело делал Кире искусственное дыхание, как учил дядя Аркадий. Девочка зашлась кашлем и выплюнула воду. Мокрые от слез и воды каре-зеленые глаза казались на солнце по-змеиному желтыми, как у Штефана. К ее посиневшим губам возвращался розовый цвет, а бледность исчезала, сменившись легким бронзовым загаром.

Вчетвером они успокаивались прихваченными девочками бутербродами с колбасой и хрустели домашними огурцами. Мальчишки узнали, что новые знакомые приехали на лето к бабушке и в тот жаркий день отправились на дамбу.

Штефан травил анекдоты, Вика смеялась, а Кира молча слушала, едва касаясь бедра Демьяна. Мокрую футболку он расстелил на камнях, оставшись в шортах. Затылок нещадно

палило солнце, и парни предложили пойти в кафе-мороженое, но девочки отказались и встречу перенесли на вечер.

Дядя Аркадий, услышав о героическом подвиге племянника и первом в его жизни свидании, открыл кошелек и щедрой рукой вручил дополнительные купюры, но предостерег, чтобы мальчишки вели себя как джентльмены. Впервые в карманах у Демьяна со Штефаном было больше денег, чем обычно.

В кафе болтали в основном Вика со Штефаном, Демьян и Кира больше молчали или поддакивали. Во время вечерней прогулки Демьян косился на наглого Штефана, всю ухлестывающего за Викой с решительностью Казановы. И Дем тоже решил быть посмелее и взять Киру за руку, но внутренний страх подсовывал ужасающие картины: как чешуя ползет наружу, Кира увидит выступившие на локтях плавники и с визгом убежит. Так ни к чему и не придя, Демьян засунул руки в карманы, почувствовав на себе насмешливый взгляд Штефана, который уже держал Вику под руку и подмигивал брату змеиным глазом, незаметно для окружающих сменяя на человеческий. Несмотря на бушующие гормоны, Демьян уже научился сдерживать трансформацию, Штефану повезло больше, ему не нужно было стараться.

– Ты не читала книгу «Человек-амфибия»? – решился Дем, и Кира повернула к нему лицо.

– Конечно, еще в десять лет, не думала, что мальчикам тоже интересно чтение, вы больше по компьютерным играм...

– в ее голосе звучало удивление.

«Так и было, но теперь вряд ли они заинтересуют меня больше, чем ты», – но вслух ответил:

– А я в восемь, у родителей была отличная библиотека, Штефан, правда, не любитель читать, но если рассказываю – он слушает.

Кира усмехнулась, и лед треснул, беседа пошла как по накатанной, и к концу свидания они общались, словно старые знакомые, и договорились встретиться еще раз, обменявшись номерами телефонов. А когда подошли к дому девочек, то оказалось, что они соседи. Мальчишеский дом находился за добротным каменным забором и высокой железной калиткой. Попрощавшись с сестрами, парни скрылись на своем участке. Штефан снял шорты и растянулся в полный рост, ноги от бедер превратились в змеиный хвост с темно-багровой чешуей. Перекинув вещи через плечо, он пополз в кухню, где наткнулся на недовольный взгляд Аркадия.

– Ты бы хоть разулся, или, думаешь, раз с хвостом, то пол будет чище? – прогнусавил он, хрустя сушкой и запивая крепким черным чаем с лимоном.

– Подумаешь, – прошипел Штефан, вернув ногам прежний вид, и поплелся в ванную за шваброй. Пока он вытирал следы травы и земли, Демьян заглянул в духовку и выудил куриную ножку и картофелину.

– Не ешь руками, что ты как неандерталец, достань и положи себе и брату на тарелки, – дядя перевернул страницу

газеты и довольно крякнул.

«Видимо, добрался до своего любимого кроссворда», – понял Демьян, вооружившись вилкой. Шлепая босиком по чистому ламинату, к нему присоединился Штефан.

– Как прошло свиданье? – растягивая слова, спросил дядя и, щелкнув «Паркером», принялся выводить мелкие буквы в квадратиках.

– Отлично, девчули что надо, правда Кирюха какая-то молчунья, но Вика мне все равно понравилась больше, – с набитым ртом ответил Штефан, утирая губы рукой.

– Что за неподобающий жаргон? – дядя недовольно покачал головой. – Вытирай рот салфеткой, ты змей, а не свин.

Штефан скорчил рожицу, но все же взял салфетку. Свином ему быть не хотелось – это порочило его сущность.

– Так я услышу внятную речь о ваших похождениях или нет? – напирал дядя.

– Все хорошо, – Демьян сел за стол и притянул к себе чашку с чаем. – Хорошие девчонки, наши ровесницы, приехали на лето к бабушке Оле, – отпил чай и поморщился от его крепости. Кажется, дядя добавил туда немного коньяка.

Аркадий усмехнулся, видя его кислую физиономию, и плеснул в стакан воды из кувшина.

– На, земноводное, – протянул племяннику, тот мигом осушил стакан и наполнил вновь. – Ольгины внучки, значит, интересно...

Штефан рыскал по холодильнику в поисках чего-нибудь

посытнее курицы. Хотелось бифштекса с кровью. В последнее время он стал замечать за собой непривычные предпочтения в еде. Профессор объяснял это змеиной сущностью, а, как известно, хищники отдают предпочтение сырому мясу. Штефана же можно было считать одомашненным змеем.

Вытащив из морозилки кусок покрупнее, он закинул его в микроволновку и включил разморозку, затем загремел сковородкой на плите. В детстве Надья готовила ему исключительно на костре, и это было гораздо вкуснее, чем на газовой плите. Ни тебе одурманивающего запаха костра, ни булькающей дичи в котелке, ни игры на скрипке в окружении табора. Аркадий купил мангал специально для Штефана и с удовольствием ел запеченного им кролика или ежа с овощами и травами. Дичь Штефан ловил сам, получая от этого не меньше удовольствия, нежели от процесса готовки. То же происходило и с рыбой. В прошлом месяце Аркадий увез детей на небольшую виллу в Крым, где мальчишки могли целыми днями пропадать на рыбалке, ловить раков, плавать и помогать Аркадию собирать научный материал. По профессии дядя Демьяна был ихтиологом и в свое время работал на кафедре ихтиологии и гидрологии, желая посвятить жизнь изучению моря. Аркадий Кайсаков оказался очень одаренным юношей и получил докторскую степень, когда ему было около тридцати. Вероятно, он бы и дальше торчал на кафедре: преподавал, изучал морских обитателей, ездил по различным симпозиумам и читал лекции в Европе и Америке,

но трагическая случайность решила иначе, отобрав у ученого единственное любимое существо – младшую сестру Жанну. Ее с мужем Дамианом погребло под каменным обвалом на одном из Крымских серпантинов, и на руках у Аркадия остался десятилетний племянник со столь редкой для их мира аномалией, что профессор испугался за жизнь ребенка. Если что-то пойдет не так, Демьяна отберут, а когда правда его происхождения и физиологии всплывет на поверхность – мальчика убьют: разделают как рыбу и подадут на стол великим умам современности.

Будучи научным сотрудником, Аркадий знал, какие секретные опыты могло проводить правительство. В прессе появлялись научные статьи с выводами о проделанной работе, но мужчина прекрасно понимал – без чьей-то смерти результата не будет, какими бы гуманными целями люди науки не прикрывались.

Гибель близких привлекла к их вилле журналистов, всем хотелось узнать подробности и впечатления двух несчастных, бесстыдно растоптать их горе очередной статьей. В научных кругах Аркадий был известной личностью, и чтобы избавиться от надоедливых писак, без стеснения осаждающих их дом, он собрал вещи, закрыл виллу и поздно ночью покинул Крым, увозя Демьяна в единственное спокойное место – свой родной город Бердичев.

Несколько месяцев ушло на ремонт старого дома и знакомство с соседями. Правда, с живущей рядом старухой об-

щение не задалось. Чаровницына Ольга Игнатьевна сразу заметила Демьяна, и, проходя мимо дома, провожала мальчика задумчивым взглядом, но ни о чем не расспрашивала. Хотя соседи уже успели узнать, что Аркадий Михайлович – холостой профессор. Местные одинокие дамы заглядывались на видного и явно положительного мужчину, приносили домашние заготовки к калитке, пытались пощипать Демьяшу за щечку, но, подобно дикому зверьку, мальчик предпочитал отсиживаться в четырех стенах, купаясь в застекленном бассейне.

Когда отремонтированный дом окружил не просто деревенский заборчик из досок по плечо, а каменная стена с железными прутьями на концах, защищающая от непрошенных гостей, соседки загрустили. Теперь они видели Аркадия, ходящего исключительно за покупками или на почту, а племянника совсем не наблюдали. По словам Ольги, мальчик целыми днями сидел дома и читал книги, а еще... у него, кажется, была аллергия на солнце. И как-то само собой соседи перестали интересоваться обыденной жизнью Кайсаковых. Тем более появилась новая тема для пересудов – в город приехал цирк, возглавляемый цыганским бароном. Ко всеобщему приятному удивлению, цирк оказался не со скучными клоунами и катающимися на шариках кошками, а с пластичными гимнастами, подпрыгивающими до самого потолка натянутого за городом огромного шатра.

Женщины с бородой, люди-карлики, дикие животные,

дрессированные игуаны, болтающие без умолку разномастные попугаи. Здесь не пахло лошадиным навозом, а шатер не блистал прожженными дырами и сомнительными пятнами, нет! Цирк напоминал вход в иной, волшебный мир, где даже взрослые поражались небывалому размаху и роскоши отделки. Весь персонал носил форму из красного бархата с золотыми эполетами и пуговицами с гравировкой в виде морды медведя. Удобные скамьи с атласными подушечками для посетителей даже на дальних рядах, выложенная до шатра дорожка из деревянных досок на манер европейских тропинок, чтобы людям даже в непогоду было удобно добираться до цирка. Горящая яркими огнями вывеска. Животных держали вдали от толпы, чтобы не смущали их запахи. В воздухе пахло попкорном, сладкой ватой и свежесожатыми соками из тропических фруктов.

Откуда у цыганского барона такой бюджет? Никто не знал, но догадывались... украл, убил и нажился на чужом. Так думало большинство: все, что касалось цыганского племени, давно обросло отвратительными предубеждениями.

Вероятно, именно из-за своей непредвзятости Аркадий сдружился с женщиной по имени Надья, кареглазой цыганкой с пышной черной волной волос и чувственными губами. Но не ее красота привлекли профессора, а мудрость и забота о приемном сыне Штефане.

Профессор до сих пор задавался вопросом, почему в тот злополучный для цыган день Надья привела Штефана имен-

но к нему. Сам мальчик не знал ответа, а профессору оставалось лишь гадать: возможно, потому что сам Аркадий относился к Надье по-человечески, как мужчина относится к женщине, оказавшейся в беде, или же, что вероятнее... они оба хранили тайну своих особенных детей, которые смогли подружиться, и их не волновало цыганское происхождение одного и горькое молчание второго.

Сейчас Аркадий не представлял себе, как бы они с Демьяном жили без Штефана. На мнение соседей профессору было наплевать, даже после того как он усыновил мальчика, и люди шептались, что, оказывается, он мужчина не без греха, сделал в свое время цыганке дите, а спустя несколько лет та привела сыночка – получи, распишись, дорогой – и умотала.

Профессор не развеивал эти слухи, отмалчивался или пожимал плечами. Мол, с кем не бывает, все мы смертные. Уж лучше пусть они знают выдуманную полуправду, чем допытываются о подлинной биографии Штефана. Да, он совсем не похож на профессора, зато весь в мать – так он отвечал особо любопытным соседкам. Хотя у некоторых одинокий мужчина с двумя мальчуганами вызывал умиление, трогательные слезы и сочувствие.

Дамы томно вздыхали, поражаясь его выдержке и ответственности, но продолжали подсовывать домашнюю выпечку и прочие лакомства, дабы не ссориться с интеллигентным мужчиной и побаловать детей.

Да и мальчишки не отказывались от сладкого, правда, Де-

мьян любил больше фрукты, а вот Штефан налегал на десерты за двоих и однажды поплатился диатезом, став похожим не на рептилию, а на окунувшегося в крапиву змея, чью и без того бордовую чешую запятнали темные волдыри. К счастью, обошлось без поездки в больницу, да и что бы сказали врачи, увидев на койке мальчишку со змеиным хвостом вместо ног, глядящего на них большими желтыми глазами с пугающими вертикальными зрачками и выступившими острыми клыками во рту. Штефан бы мило улыбнулся и показал раздвоенный язык, и пришлось бы оказывать помощь обморочным медсестрам.

И если с физиологией Демьяна Аркадий был знаком с самого детства, наблюдая за развитием мальчика и сравнивая с внешностью его амфибиозного отца, то ради Штефана пришлось заполнить библиотеку книгами и справочниками о змеях.

Мальчишки переболели стандартными детскими заболеваниями, к счастью, только ими, а не болезнями своего вида. Профессор заметил, что оборачиваясь во вторые ипостаси, мальчишки выздоравливают быстрее, температура спадает, раны заживают, да и кариесом они не страдали. Но все же он детально изучил, чем могут болеть змеи и амфибии. К сожалению, на переломы обороты не распространялись, и однажды, полазив на стройке, мальчишки несколько месяцев проковыляли с гипсом: один сломал руку, второй ногу. Штефан решил попробовать обернуться, но кричал так, что

к профессору нагрянули перепуганные соседи, и пришлось объяснять ситуацию с переломом. Соседи поохали и ушли домой. Больше Штефан самодеятельностью не занимался, и несчастный хвост-нога благополучно зажил. В тот период Аркадий с мальчишками отправились в путешествие: сначала Египет, которым Штефан заинтересовался в надежде найти на стенах пирамид и обелисков письма с упоминаниями змееподобных людей. Но тщетно, разве что в Индии кое-что обнаружилось, но и то больше походило на сказки.

Цыгану нравились жаркие страны: греться на песке, кататься на верблюдах и любоваться бескрайним ночным небом Сахары. Демьян же предпочитал не покидать съемного жилья и целыми днями купался в закрытом бассейне, спасая пересыхающую кожу от горячего воздуха. Но слишком холодный климат недолюбливали оба, особенно, после короткой экспедиции дяди в Антарктиду, где они любовались бирюзой дрейфующих льдин, плаванием косаток, игрой тюленей и забавными белогрудыми пингвинами. Правда, потом снежная буря заперла их в доме на неделю. У Демьяна случилось страшное обезвоживание, стоившее дяде поседевших волос. Какой бы амфибией Демьян ни был, но купаться среди ледников как тюлень он не мог.

Змеиная сила Штефана помогла преодолеть порывы бури, и он натаскал в дом ведра со снегом, чтобы разморозить и влить слегка подогретую воду в ванную, где бултыхался бледный Демьян. К счастью, все обошлось, но отныне про-

фессор подбирал страны с большей тщательностью.

– Надеюсь, вы с ними подружитесь, – профессор закончил с кроссвордом и, отложив газету, бросил на мальчишек пристальный взгляд.

«Как быстро идет время. Что ждет их в будущем, известно лишь силам, приведшим этих детей в наш мир».

В ту ночь Штефан с Демьяном долго не могли уснуть, и каждый, лежа в своей постели, глядел в потолок, озаряющийся светом проезжающих мимо машин.

– Как думаешь, повезет ли нам встретить тех, кто примет нас такими, какие мы есть? – спросил Штефан, лежа с заложенными за голову руками.

Демьян перевернулся на другой бок, чтобы увидеть его лицо, в полумраке блеснули змеиные глаза. Штефан любил спать в облике нага, развалившись на добротной широкой кровати. Кончик хвоста выглядывал из-под одеяла, как если бы оттуда торчала пятка.

– Мне кажется, все возможно, ведь моя мама встретилась с отцом, а твоя... ну, в общем, как-то же ты тоже получился. Хоть и не совсем таким, каким предполагалось... – осторожно подбирая слова, ответил Дем.

Штефан щелкнул языком:

– Думается мне, что даже если бы родился двуногим, та женщина все равно бы от меня отказалась и бросила.

– Этого мы никогда не узнаем, ты ведь не пойдешь ее ис-

кать.

– Не-а, еще не хватало! Избавилась от меня как от мусора, а я ее должен искать? Где же ты, дорогая мамочка?! – передразнил он и недовольно стукнул хвостом о бортик кровати.

Демьян бы и сам не стал искать ту, которая выбросила его. Штефан поведал им с профессором то, что не рассказала Надья. Оба были шокированы этой новостью. На дворе двадцать первый век, а одни люди избавляются от других таким варварским, средневековым способом.

Штефана нашли на помойке в коробке из-под коньяка проходившие мимо цыгане. Кто-то выбросил урода со змеиным хвостом вместо детских ножек. И вся вина этого дитя была в том, что он отличался от других. Штефан бы погиб, если бы не оказался в шероховатых, но заботливых руках Надьи. Бездетная женщина с радостью и великой осторожностью прижимала слабого малыша к своей груди, кутая в пеструю шаль. Для нее этот ребенок стал божьим даром, а не наказанием.

Несколько дней она выхаживала кроху, поила козьим молоком, обтирала целебными травяными настоями, а однажды утром раскрыла пеленки и с удивлением обнаружила, что хвостик превратился в две крепкие ножки, а змеиные глаза карапуза стали золотисто-карими. Цыганка назвала сына Штефаном в честь покойного супруга и воспитывала наравне с остальными цыганскими детьми, занимаясь ими, как

если бы работала воспитательницей в детском саду. Штефан рос обычным ребенком, насколько это возможно, и учился контролировать змеиный оборот в человека. Но, как и у любой змеи, мальчик обладал некоторыми присущими его виду способностями – ядовитыми клыками, гипнозом и призывом себе подобных, только крошечных змей. Рептилии сползались из разных мест, нашептывая много интересных новостей и становясь его проводниками в окружающий мир, помимо Надьи.

В шестилетнем возрасте Штефан ударил хвостом бешеную собаку, посмевшую кинуться на мать, и животное погибло с переломанным хребтом. Испугалась ли Надья сына? Нет! Она верила, что для чего-то Господь создал такого, как Штефан, и судьба послала ее сыну Демьяна – племянника профессора Кайсакова. К Надьиному удивлению, Аркадий не чурался общения с цыганкой и оказался очень вежливым человеком, не препятствуя дружбе детей.

Табор обосновался под Бердичевом, цыгане процветали, давая цирковые представления, жили в шалашах и вагончиках. Барон поделился с Надьей идеей: купить здание местного дома культуры, сделать в нем достойный ремонт и давать выступления там – не только цирковые, но и вокально-эстрадные, приглашать различных звезд, танцоров. Он хотел подарить табору возможность обустроиться и окончательно осесть в городе, жить в достатке с крышей над головой, чтобы дети всегда были накормлены и одеты.

Сам Штефан так и не понял, в какой момент что-то в таборе пошло не так, но когда барона убили местные бандиты, мать привела его к Аркадию. В поздний час профессор впустил ее в тепло дома. Пока мальчишки ужинали, взрослые тихо переговаривались в его кабинете, а затем цыганка вышла с улыбкой и крепко обняла сына, шепча на родном языке слова любви, и, поцеловав, ушла.

В ту ночь Аркадий с мальчишками слышали, как в сторону вокзала с воем сирен съезжаются милицейские машины, а на утро весь город гудел как растревоженный улей, обсуждая убийство барона. Болтали о краже большой суммы денег, злостном нападении на законопослушного гражданина – местного бизнесмена, держащего на рынке лучшие торговые места.

Один Аркадий с мальчишками не верили, что барон мог так поступить. Это не входило в его планы и попахивало конкретной подставой. Но кто из «цивилизованных» людей стал бы разбираться в том деле? Кому нужно дадут взятку, всех собак повесят на убитого цыгана. Какой спрос с мертвого? Он уже никак себя не защитит. Ведь по общепринятому мнению, вор и убийца – явно не человек при квартире, работе и семье, а цыган.

Аркадий занялся документами об усыновлении Штефана. Табор дал мальчику все, что мог, остальное требовалось от профессора, и хотя ученик попался нерадивый, подбивающий Демьяна на шалости, Аркадий не скучал. У него под-

растало два сорванца, два «одаренных» мальчугана: амфибия и змей (наг). Будь у него картина «Мона Лиза», и та не представляла бы для него большей ценности, чем эти двое. Демьян и Штефан не были принцами погибших королевств и рас, даже история об Атлантиде казалась им обычной легендой. Временами оба тяжело вздыхали, и профессор ворчливо отмечал:

– Что носы повесили? Я понимаю, если бы у вас атрофировались мужские органы, и вы лишились бы возможности познать удовольствие с женщинами, иметь детей, тогда стоило бы печалиться, я бы сам этого не выдержал, но вы абсолютно здоровы, так что нечего горевать!

Даже их особенности не помешали как полагается окончить школу – Штефану, правда, со скрипом и вечными вызовами профессора к директору.

– Зато тебя не бросили со скалы, как спартанцы, и не отдали крокодилам на съедение, как в Египте, – утешал Демьян.

Штефан в очередной раз недовольно стукнул хвостом и отвернулся к стене.

– Вика моя, – строго сказала он.

Демьян улыбнулся:

– Да на здоровье.

– Че это? – Штефан приподнялся на локтях, удивленный его покладистостью. Ему казалось, что Дем любит девушек с длинными волосами, уверенных, а не тихонь.

– Спи давай, только к Кире не суй свой змеиный язык.

– Больно нужна мне эта молчунья! И чем только проняла... – его слова заглохли в брошенной Демьяном подушке.

Но потасовка так и не началась.

– Лето закончится, и они уедут в Москву, мы потеряемся, и неизвестно, когда встретимся снова, – продолжил Штефан.

– Напекаешь, что нужно что-нибудь сделать? – Демьян сел и поймал подушку обратно.

– Ну... хотя бы проверить кое-что, – задумчиво ответил наг.

– Что же? Не тяни...

– Ну, смотри, ты себя уже проверил, бросился за ней в воду и спас, а я хочу понять, испугается она меня в облике змея или нет.

Демьян покрутил пальцем у виска:

– Совсем уже? Да она при виде даже маленькой змейки крик поднимет и кинет в тебя чем-нибудь, хочешь снова валиться в гипсе? Только уже всего тела...

Штефан усмехнулся:

– А вдруг нет? Да и я не собираюсь появляться нагом, просто подсуну ей безобидного ужика и его глазами понаблюдаю за ней, а заодно и Кирой, как они живут, о чем болтают.

– Шпион, ложись спать, – буркнул Демьян и первым закрыл глаза, натянув одеяло до подбородка.

К счастью, Демьян ошибся, и несчастного ужика, которого едва не затоптали соседские мальчишки, Вика забрала в

дом, спрятав в трехлитровую банку, честно изъятую из бабушкиных запасов. Пресмыкающееся она восприняла относительно спокойно, крик не подняла, но держала на расстоянии вытянутой руки, пока змееныш спокойно отлеживался на дне, изображая болезненный вид. Ночью он как следует облазил дом, зарылся в девичьи вещи и остановился на столе, где лежали многочисленные листы с переведенными рисунками. Из стаканчика торчали карандаши и фломастеры. На листах змей разглядел изображения русалок, принцев и принцесс, обычные девчачьи раскраски. Какие-то из них были подписаны «Кира» и показались Штефану, смотрящему на происходящее глазами посланца, талантливыми. Один отличался от других – на нем изображался человек-змея. Волнение овладело цыганом. Не могла же девчонка просто так взять и изобразить нага во всех подробностях, может, она что-то подозревает?

Но возможность узнать выдалась только через некоторое время. Вернувшись домой после футбола (у мальчишек были знакомые парни, собирающиеся на поле и гоняющие мяч), Штефан с Демьяном застали Аркадия не в лучшем расположении духа. Профессор ходил по кухне, шаркая тапочками и дергая себя за волосы.

– Старая ведьма, у-у-у, Румпунпель!¹⁰

– Ты чего? – Штефан замер в коридоре, и Аркадий за-

---

¹⁰ Персонаж из «Маленькой колдуньи» – приключенческая сказочная повесть немецкого писателя Отфрида Пройслера.

пнулся, его плечи опустились, и мужчина тяжело вздохнул. Обернувшись к мальчику, он взглянул на него замутненным слезами взглядом.

Впервые Штефан видел профессора таким и невольно подался вперед, желая утешить.

– Приходила... одна дамочка, бабуля ваших подруг, – нехотя ответил Аркадий.

– И чего сказала старая кошелка? – непочтительно отозвался о старухе Штефан.

Они с Демьяном уже наслушались рассказов Киры и Вики о некой бабе Ане, соседке их бабушки, которая вечно пыталась унижить и выставить кем угодно, только не нормальными и хорошими девочками. Родная бабушка была не в восторге от мальчишеской компании, с которой якшаются внуки. Ольга и не догадывалась, что главными зачинщиками очередного «приключения» были Вика со Штефаном. Походы по «катакомбам» (под мостами и вдоль рек), изучение опасных строек и даже вылазка за город, откуда они вернулись ночью, и сам Аркадий едва не надрал им уши. Все это было их детством, но, видимо, Олиному терпению пришел конец, а тут и баба Аня подлила масла в огонь.

– Сказала, что не хочет, чтобы змееныши общались с ее внучками, – выдавил Аркадий и смахнул слезы из-под очков.

Штефан озадаченно нахмурился:

– Пряма так и сказала? Змеями...

Профессор кивнул:

– Она болтала про несовместимость, говорила, что лучше вам держаться от них подальше и дать спокойно жить.

– А то мы мешаем! – вспыхнул цыган, прокричав-прошипев раздвоенным языком и обрастая чешуей. – Она хоть знает, как нам весело вместе? И что я или Демьян никогда не допустим, чтобы Вика с Кирой пострадали?

Аркадий обессиленно опустил на стул.

– Да и пошла она к дьяволу, старая кляча. Нашла, кому запрещать! – и Штефан бросился вон из дома.

Профессор достал из шкафчика бутылку коньяка и плеснул в рюмку.

Демьян ободряюще коснулся его плеча.

– Все в порядке, мой мальчик. В который раз я сталкиваюсь с человеческой предубежденностью... И ничем не могу вам помочь.

Демьян вздохнул и неожиданно крепко обнял Аркадия. Тот похлопал его по спине.

– Сходи за Штефаном, как бы наш горячий цыган не наломал дров.

Демьян кивнул и поторопился. Штефан замер у двери соседского дома и, шмыгнув носом, позвонил. Повернулся ключ, и парень сделал шаг назад. Вышла Ольга Игнатьевна.

– Чего пришел? Я уже все твоему дяде сказала, но могу повторить и тебе, – сурово проговорила она, вытирая руки полотенцем и глядя на цыгана с явной неприязнью, будто видела того насквозь.

Штефан предстал перед ней в мятой футболке, на джинсах дыры и следы травы. Немытые волосы торчат в разные стороны, а на разбитой губе запеклась кровь. Все это казалось старухе неважным, потому что перед ней, расправляя плечи и шевеля языком, стоял змей. Ни один человеческий облик не скрыл бы от нее его истинную природу. Ольга многое видела и чувствовала опасность. Чутье и подтолкнуло пойти к Аркадию, дать понять, что она не желает видеть его мальчишек рядом со своими невинными, человеческими внуками. Хоть и не до конца была уверена в правильности этого решения...

– Отдайте, пожалуйста, Вике с Кирой, – он протянул те самые кольца, которые выиграла она с Демьяном.

Ольга прищурилась и, уперев руки в бока, процедила:

– Ишь чего удумал! Я не посмотрю, что ты наг, – последнее она прошипела не хуже самого змея. – Проваливай, пока метлой не огрела. Хватит бед с моей дочери, хочешь, чтобы и Вика из-за тебя жизни нормальной лишилась?! Или Кира с твоим братцем? Ищите себе равных по хвосту, а сюда дорогу забудьте.

Штефан оскалился, показав выступившие клыки и раздвоенный язык. Глаза превратились в щелочки, а на скулах проступила багровая чешуя, он с трудом сдерживался, чтобы не наброситься на старуху, но ту было не пронять.

– Расшипелся, языкастый! Не того человека ты решил запугать, слюни подотри и ступай, пока я сама тебя за хвост

твой паршивый не оттащила, – и толкнула его в грудь.

Парень оступился, едва не свалившись с порога, и, сжав пальцы в кулаки, ушел.

Ворча на змеиное племя, Ольга захлопнула дверь и вернулась к тесту, да так лупила по нему, что оно стало совсем тонким. Краем глаза она заметила шевеление на подоконнике и, повернув голову, увидела маленькую змейку: та боязливо поползла обратно, и с кончика ее хвоста свалилось два колечка.

– Пшла отсюдава! И дорогу забудь, – ведьма топнула ногой, и змея спешно ретировалась.

Ольга скомкала тесто в шар и, хлопнув по нему ладонью, подобрала кольца, которые оказались самой простой бижутерией.

– Ишь, разбрасывается, – кольца она спрятала в деревянную шкатулку и убрала на чердак, подальше от любопытных глаз внучек. Все равно те скоро уедут и забудут не только о безделушках, но и мальчишках. Она об этом позаботится.

Годы шли, а что ни лето, то под можжевельным кустом проползала черная змейка, а то и вовсе осмеливалась заглянуть в дом. Однажды Ольга не выдержала и прокряхтела:

– Нету их, и не будет, пока я жива, – самой уже было тяжело выходить на улицу.

Суставы болели, голову не оторвать от подушки, за что не возьмется – валится из рук. Много лет она оберегала внучек

– сама приезжала в гости. На ее счастье, у Киры оказалась сильная аллергия на цветение, а Викуля не мыслила дня без городской жизни: дискотеки, модные наряды – чего, на счастье Ольги, не хватало в провинциальном городке.

Умерла Ольга спокойно в своем доме, во сне, и на похоронах было не так много людей. Дочка приехала, да пара-тройка соседок пришли помянуть, опрокинуть рюмку добротного самогона за упокой. Даже перед смертью старая ведьма не открыла внушкам правду ни о себе, ни о мальчишках.

Штефан рассказал Демьяну про кольцо с предостережениями старухи. А когда Вика уехала, в сердце Штефана образовалась пустота, и как он не пытался ее заполнить – не выходило. Годами он создавал иллюзию счастья, встречаясь то с одними, то с другими, веря, что может это и есть любовь, но во сне часто видел смешливое личико безрассудной девчонки, готовой перепрыгивать через дыры в полу на очередной стройке, взбираться по деревьям на крыши гаражей, сбегать с чужого огорода от ворчливых старух и всегда держать Штефана за руку, пить сок из одного пакета.

Он даже хотел ее разыскать, но понимал – это как пытаться разворошить змеиное гнездо в поисках уцелевшего голубинового яйца. Демьян же был погружен в себя и не слишком любил откровенничать. На отъезд Киры он никак не отреагировал, сказывалось природное хладнокровие. Но они оба ждали их возвращения...

Лето, 2013 г.

– Может, надо было позвать с собой парней? – шептала Вика, топая сквозь заросли среди темных холмиков могил закованными оградками.

Кира стянула с головы капюшон непромокаемой куртки и вытащила из кармана сложенный лист завещания. Нотариус вернулся сегодня из отпуска – толстячок-еврей заявился к ним в полдень, когда девушки только продрали глаза и завтракали, поедая оладушки с вареньем, подаренным Штефаном.

Соломон Гольдович постучал тросточкой в окно светлой комнаты, и от неожиданности Вика приняла его за могильщика. Затянутый в черный костюм и рубашку в цвет, мужчина выглядел несколько странно на фоне жаркого солнечного дня.

Завернувшись в халат и наспех умывшись, Кира открыла дверь ипустила коротышку в кухню. Он вручил ей завещание, кратко ознакомил со всеми пунктами, дважды указав на время визита на кладбище, пожелал хорошего дня и удалился. К документу прилагалась краткая записка, выполненная убористым бабушкиным почерком: «Приходите в полночь четверга. В этот день сторож пьет водку и смотрит повтор футбольного матча, проход через дыру в заборе. Документы на участок лежат в серванте за бутылкой вишневой наливки, я знаю, что тем летом вы ее выпили».

– Замечательно, мало того, что про наливку узнала столько лет спустя, так еще и на кладбище проникать как каким-то расхитителям могил, – фыркнула Кира, почесав затылок.

Ей страшно хотелось выпить кофе. И пока Вика принимала душ, она осторожно зажгла конфорку, нашла в шкафчике пакет с молотым кофе и, залив турку водой, сыпанула щедрую порцию. Устроившись за столом и вновь перечитав завещание, Кира вспомнила вчерашний вечер и обстоятельства, сведшие их с новыми знакомыми. Демьян оказался тактичным, но молчаливым парнем, а Штефан напротив – общительным и забавным. Им с Викторией удалось ее рассмешить, но сидеть в гостях насквозь промокшими было не лучшей идеей, и Кира намекнула об этом сестре.

«Отлично провели время», – кофе в турке забулькало, и Кира подскочила к плите. Оставив напиток на подставке остывать, она быстро переделась в домашнее и налила в чашку густую темную жидкость, чей узор из песчинок украсил края. Пущенное на оладушки молоко осталось на дне банки в раковине, и Кира взяла на заметку сегодня же отправиться за продуктами.

Вика вышла с тюрбаном на голове и с мрачным видом ознакомилась с бабушкиной запиской.

– Ну и ну, старуха совсем из ума выжила перед смертью, как ты себе это представляешь? Да нас поймают и отправят в участок, а потом устроят форменный допрос, еще и в трубочку потребуют дохнуть и спросят, не сатанистки ли мы ча-

сом? – проворчала она, одергивая короткие шортики.

– Все будет в порядке, ты же видела – сторож напьется, а что пьяному делать среди могил? Кресты да памятники пугать? – Кира налила ей кофе. – За продуктами со мной пойдешь?

– Конечно, нечего тебе, моя маленькая, тащить все одной. Может, давай я Штефану позвоню, пусть поможет довести, у него есть машина, между прочим, неплохая.

– Сами справимся, я не хочу, чтобы они приняли нас за туристов в поисках временных ухажеров, – отказалась Кира. – Слава богу, что они оказались приличными парнями, но больше мы не сядем в машину к незнакомцам.

В глубине души она понимала, что если подобное повторится, то сестру не оставит, умирать, так вместе – как в детстве удирать от злобного соседа, на чью малину они покусились. В висках закололо, и перед глазами поплыли чьи-то смутные образы, мальчишеские голоса и смех.

– А я вот не против, у меня, знаешь, как давно не было этого самого? – прервал мысли Киры голос сестры. – Или, по-твоему, у Олежека с его жезлом всевластия был полный порядок? Да я тебя умоляю, три минуты – и солдат на полшестого, ни тебе прелюдии, ничего. Я черт знает сколько нормально не кончала! – распалилась она.

Кира усмехнулась:

– Сама себе такого выбрала. Никто не заставлял.

– Ну так в первый год он был еще живенький, – начала

оправдываться Вика. – А потом как у него начались проблемы в бизнесе, и все, такой нервный стал, кошмар! Чуть что – орет, бешеный. Я у него и шубу-то боялась попросить, ходила не пойми в чем.

– Ну да! Пуховик от Армани – это просто тряпка, – расхоталась Кира. Шубы она терпеть не могла и который год не меняла непромокаемую спортивную куртку ни на что другое.

– Ей богу! Надеть нечего! В шкафу мышь повесилась, хоть поминальную заказывай, – Вика хрюкнула и допила кофе. – Надо перебрать все бабкины сервизы, а то из этого стыдно пить. Достанем новые сковородки и тарелки, – она с омерзением поставила пустую чашку к одинокой банке.

– Конечно! Это тебе не завтрак в отеле на берегу озера Гарда¹¹. Все сделаем, но сначала за продуктами, а в полночь на кладбище, – Кира вздрогнула от нетерпения, чувствуя странное, давно позабытое волнение, некий трепет от ожидающего их... приключения. «Прямо как в детстве», – подумала она, улыбаясь. – Я рада, что мы приехали.

– А я-то как рада, свалила от своего козла и встретила темноволосого красавца Штефана, – промурлыкала Вика и оттянула ляжку лифчика, в котором так и легла спать. – Как думаешь, у него итальянские корни? Они с Демьяном совсем не похожи.

---

¹¹ Самое большое озеро в Италии, расположенное вблизи южного подножья Альп.

– Ты все прослушала: они не родные братья, а двоюродные, как и мы с тобой, так с чего им быть похожими? Да и на итальянца он не похож, скорее, на цыгана, хотя... – она пожала плечами и пошла одеваться.

Поход на базар навел на обеих очередные детские воспоминания: как они приходили к подругам бабушки, торгующим травами, овощами и фруктами. Чего только на базаре не было! Обычно Вика с Кирой покупали по треугольнику свежеприготовленной пиццы, пакетики с персиковым соком, шли в парк и в тенике на лавочке ели.

В этот раз полакомиться не удалось, хотя в животе неприятно урчало, но с пакетами продуктов далеко не уйдешь, тем более до парка.

– Надо бы раздобыть где-нибудь машину, можно взять в прокат или сразу купить? – предложила Вика.

– Губу раскатала, только если в кредит. У нас не так много сбережений и наследство далеко не миллионное, – Кира поменяла пакеты в уставших руках и расправила плечи.

– Помнишь, дядя Петя оставлял у бабушки в гараже свои старые «Жигули», может, они там до сих пор стоят?

Кира подавила приступ смеха:

– Да тачка уже развалилась, пока ждала, когда ты протянешь к ней свои ноготочки, или дядя Петя ее забрал. Ты забыла? Мы не приезжали сюда со школы.

Вика согласно кивнула:

– И то правда, но все равно без машины мне некомфортно.

– Так надо было забрать у Олежека лишний «Лексус» и примчать на нем сюда, вот была бы радость, – они протиснулись сквозь ряды людей, стараясь не задеть никого пакетами. Хотя... старалась только Кира. Вика шла напролом как царица, не обращая внимания на недовольство окружающих. Таким, как она, народ сам должен уступать. И даже гаркнула на мужика с тележкой: «Дорогу!».

Кира запоздало извинилась, но мужик покатил дальше.

– Ишь, муравейник, – брюзжала Вика. – Ша-а-а!

Кира не выдержала и засмеялась во весь голос, почувствовав на себе недоуменные взгляды.

– Ты меня с ума сведешь, – давась смехом, сказала она сестре, та улыбнулась, и они наконец-то выскочили из людского потока.

– Прямо как в метро в час пик, – констатировала Вика.

– Ой, поглядите на нее! Ты когда в последний раз в метро-то совалась, шуба соболиная?!

Вика промолчала, и до дома они ковыляли, ощущая пустоту в голодных желудках. Состряпав обед на скорую руку и подкрепившись, девушки принялись за сбор старых вещей и вытаскивание из бабулиных закровов новых.

Ненужные тарелки, сковородки – все отправилось в коробки, выставленные на улицу.

– Это мы точно не утащим, надо парней попросить, – поедая банан, сказала Вика и зацокала ногтями по экрану смартфона.

– Согласна, еще не хватало снова спину сорвать, но только не сегодня. Пусть завтра приходят, а сейчас я хочу немного отдохнуть, – пропыхтела Кира, сидя рядом на табуретке. В стакане шипели пузырьки газировки.

В детстве дед Миша часто покупал несколько упаковок сладкой воды, а в вазочке всегда лежали фруктовые леденцы, но когда дедушка умер, бабуля больше не пила газировку.

Сильный порыв ветра всколыхнул кроны деревьев, спугнув притаившегося на ветке ворона, чей громогласный крик заставил сестер вздрогнуть. Вдоль кладбищенской земли стелился сизый туман, сквозь полупрозрачную пелену угадывались очертания крестов, надгробные плиты и статуи.

– Стре-емно, – протянула Вика, приблизившись к Кире, но та лишь пожала плечами. Ей и самой было не по себе, и будь она одна, то, возможно, давно бы сбежала.

– Мы вдвоем, чего нам бояться?

Вика перехватила взятую из дома лопатку. Садовый инвентарь придал ей храбрости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.